

Глава 4

«НАИВНАЯ» ТЕОРИЯ ГРАФОВ РОДСТВА

Из предыдущего изложения должно быть понятно, что этнография с самого первого момента выделения той части своей предметной области, которая связана с понятием систем родства, пользовалась графами. Сам вывод о существовании двух форм родства, описательной и классификационной, был сделан именно на основе сравнения списков денотатов и/или диаграмм родства¹. Средствами словесного описания это сделать намного сложнее в виду неоднозначности терминов естественного языка. Этим объясняются трудности, с которыми постоянно сталкиваются исследователи, стоящие на позициях эволюционной теории. С одной стороны, на интуитивном уровне различие между системами родства первичной и вторичной формации не вызывает никаких сомнений, с другой стороны, когда возникает необходимость точно сформулировать, в чем суть этого различия, вроде бы изначально ясное представление о нем становится все более смутным по мере того, как мы пытаемся проникнуть в значение терминов «описательный», «групповой» и т.п.

Напротив, возвращаясь к диаграммам, мы восстанавливаем только что утраченное представление. Оказывается, достаточно «прочитать» диаграммы и пересказать своими словами «прочитанное», чтобы найти нужную формулировку. Три принципа классификационных систем родства, сформулированные Рэдклифф-Брауном, были выявлены именно таким путем. Отсутствие этих принципов делает систему родства неклассификационной.

Однако гениальная догадка Моргана, подтвержденная Рэдклифф-Брауном (хотя он и не собирался это делать), не исчерпывает все возможные открытия в области систем родства. При неспонтанном способе введения элементов теории графов в исследования

---

¹ Таблицы, или списки, денотатов Моргана в современной литературе значатся как «матричные» схемы, диаграммы Рэдклифф-Брауна — как «генеалогические» схемы [Аллен 1995: 27].

явлений родства, вероятно, следует начать с предварительного определения понятия системы родства как множества бинарных отношений. Поскольку любое бинарное отношение является графом самого себя, родство легко отвечает требованиям теоретико-графового подхода, причем в обоих смыслах, теоретико-множественном и геометрическом. Это тем более оправданный взгляд, что сами математики в качестве одного из примеров бинарных отношений охотно приводят именно отношения родства (« x отец y » и т.п.). Что для нас особенно важно, в рамках первичной формации система родства является графом, который общество извлекает из самого себя¹.

Одним из видов бинарных отношений является функция, понятие которой определяется как правило постановки в соответствие каждому элементу x из множества X единственного элемента y из множества Y . В нашем случае функция f (система родства) — это такое двухместное отношение, определенное на некотором множестве людей (X), когда каждому индивиду x соответствует одно-единственное значение y из множества терминов родства (Y). Можно сказать несколько иначе: система родства отображает некоторое множество людей в некоторое множество терминов родства (рис. 10).

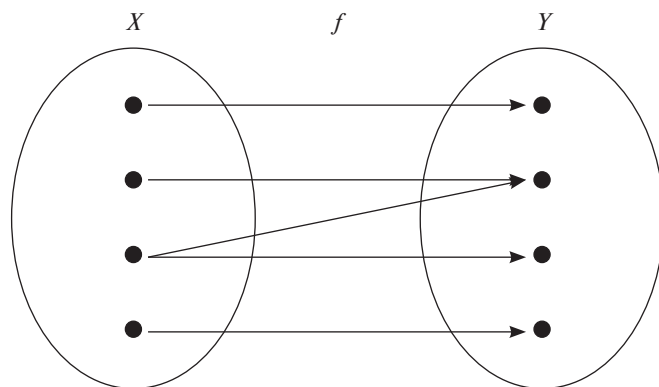

Рис. 10

¹ Ср.: «Общим местом стало положение о том, что родство является структурообразующим принципом организации традиционных обществ...» [Попов 2004: 207].

Из данной диаграммы хорошо видно, что функция как множество упорядоченных пар (x, y) входит в единый кортеж из трех взаимосвязанных объектов: 1) X — область определения функции; 2) Y — область значения функции; 3) собственно функция, или, что то же самое, график функции.

В переводе на язык этнографии, построение диаграммы родства — это визуализация правил, по которым некоторое множество людей, занимающих определенные позиции родства, отображается в некоторое множество терминов, или обозначений родства. Поскольку любое множество людей представляет ту или иную форму социальной организации, систему (функцию) родства можно определить как упорядоченную тройку объектов (рис. 11).

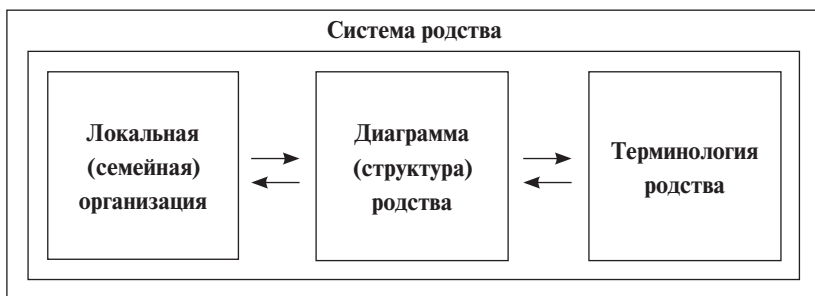

Рис. 11

Безуспешность попыток доказать наличие систематической связи между терминологиями родства и социальной организацией, о которой говорят многие западные антропологи, обусловлена тем, что в их построениях отсутствует понятие «диаграммы (структуры) родства», в этом отношении совпадающее с понятием «система родства». По логике Крёбера, системы родства не существует, поскольку соответствующее понятие сливается с понятием терминологии родства. По логике Рэдклифф-Брауна, системы родства как таковой тоже не существует, поскольку выносится за рамки его определения (см. выше). В этом смысле для него существуют только терминология родства и система прав и обязанностей, «живая плоть» социальных отношений в виде различных институтов. В обоих случаях наличие внутренних связей между терминологиями и социальной организацией недоказуемо.

В конечном счете тезис об отсутствии связи между терминологиями и социальной организацией есть не что иное, как выражение

идеи различия между предметами этнографии и лингвистики, но только способом бриколажа. Этнограф, которого интересует внеязыковая реальность родства, абстрагируется от фактов языка. Лингвист, напротив, абстрагируется от внеязыковой реальности, сосредоточивая все внимание на семантике. В этом смысле понятие бинарного отношения на заданном (непустом) множестве как средство формализации попарного сравнения элементов данного множества позволяет справиться с путаницей при решении вопроса о соотношении лингвистического и этнографического подходов в исследованиях явлений родства, т.е. непротиворечивым образом разграничить (развести) между собой предметы лингвистики и этнографии в плане устранения, как пишут логики, «неконтролируемых элементов естественного языка». В том и другом случае мы имеем дело с одной и той же областью значений функции, тогда как области определения функции принципиально различны. Для лингвистики областью определения является множество значений (десигнатов, сигнификатов) терминов родства, для этнографии — множество денотатов (референтов, или материальных объектов), к которым отсылают термины родства. Таким образом, Морган, Риверс и Рэдклифф-Браун, рисуя свои таблицы или диаграммы, де-факто проводили границу между этнографией и лингвистикой, если угодно, очерчивали вокруг этнографии некий магический круг, защищающий от вторжений извне.

Другое важное положение касается разграничения двух форм родства (по Моргану). Так называемые описательные системы представляют собой функцию с одним аргументом, которая, как уже было сказано, удовлетворяет следующему условию: для любого $x \in X$ существует единственный элемент $y \in Y$ такой, что $(x, y) \in f$. Классификационные системы родства представляют собой функцию с несколькими аргументами. Множество X рассматривается как декартово произведение множеств $X_1, X_2, \dots, X_n$, поэтому отображение f множества X во множество Y оказывается n -местным отображением, таким, что каждый из аргументов упорядоченного набора $x = \{x_1, x_2, \dots, x_n\}$ пробегает свое множество. Этнографический смысл данного высказывания видится в том, что множество (носителей) степеней родства, окружающих *Ego*, разбивается на подмножества: «отец *Ego* и множество социально идентифицируемых с ним мужчин», «мать *Ego* и множество социально идентифицируемых с ней женщин» и т.п.

Предлагаемый в качестве эксперимента способ описания систем родства при всей его экзотичности (возможные пределы использования математики в качестве метаязыка этнографии — отдельная проблема) помогает избавиться от обычных противоречий, связанных с трудностями при истолковании понятий «описательный» и «групповой», или «линейный». Если исходить из словарного значения этих слов, любые термины родства являются одновременно описательными и групповыми, любые системы родства — линейными, поэтому с помощью этих понятий дифференцировать классификационные и неклассификационные системы однозначным образом не удастся. Даже такой критерий, как слияние/разграничение прямой и коллатеральной линии, может быть оспорен, если не по существу, то с точки зрения терминологии (в классификационных системах нет противопоставления «прямая — боковая линия»).

Как заметил М.В. Крюков, Морган в своем итоговом труде «Древнее общество» при характеристике классификационных систем родства вообще не упоминает о слиянии прямой и коллатеральных линий, пытаясь выразить идею различия между классификационной и описательной системами иными средствами: «При первой кровные родственники не описываются, а делятся на категории независимо от близости или дальности их родства к Эго; при этом один и тот же термин родства относится ко всем лицам, принадлежащим к одной категории... При описательной форме кровные родственники описываются либо основными терминами родства, либо комбинацией этих терминов; таким образом, родственное отношение каждого отдельного лица выражено специфически» [Морган 1934: 222]. Хотя и с большим трудом (принцип деления нарушается всеми возможными способами: операция описания выступает как операция, тождественная операции указания и в то же время противоположная операции деления), это разделение можно соотнести с противопоставлением функции с несколькими аргументами и функции с одним аргументом. Но самое интересное заключается в том, что определение классификационных систем родства как функции с несколькими аргументами намного легче поддается переводу на язык этнографических фактов, чем собственное определение Моргана. В классификационных системах, в отличие от описательных, один и тот же человек может быть носителем нескольких денотатов. Например, одна и та же женщина может выступать по отношению к *Ego* одновременно в нескольких лицах —

и как дочь брата матери, и как дочь сестры отца, как дочь брата матери матери, и как дочь сына брата матери отца и т.п., т.е. на языке наших понятий, и как двоюродная сестра (с отцовской и материнской сторон), и как троюродная сестра.

Кроме того, становится лучше видно, что положения о разграничении лингвистического и этнографического подходов и разграничении классификационных и неклассификационных систем родства являются связанными. Второе возможно только при условии первого. Концепция классификационной системы родства является оборотной стороной разграничения предметных областей лингвистики и этнографии, т.е. понятий терминологии и системы родства.

При определении систем родства в роли предмета исследования этнографии, как и в других случаях, возможны два подхода — интуитивный и рекурсивный. Номинально система родства — это совокупность правил наследования социальных позиций, основанных на группировании людей по признакам принадлежности к определенной линии происхождения, поколению и полу. Рекурсивно система родства определяется как множество [носителей] отношений родства, упорядоченных пар, левым членом которых всегда является $E[go]$, а правым (левым, верхним, нижним) — любой другой индивид, принадлежащий данному множеству (E — «отец», E — «мать», E — «сын», E — «брат матери» и т.п.).

Отношение родства — длина пути от корня (центральной ячейки) до подчиненного узла (производной ячейки):

1. Отношение родства центральной ячейки (корня) системы родства $R[elationship]$ равно 0. Это отношение родства $E[go]$ (говорящего).
2. Отношение родства любой другой ячейки (узла) на единицу пути больше, чем отношение соседней, с ней связующей ячейки в R относительно $E[go]$.

Данное определение взамен генеалогической парадигмы «возраста и пола» предлагает негенеалогическую парадигму «линии (происхождения) и поколения» в рамках проблемы единого языка описания неклассификационных и классификационных систем родства: «линия + поколение = локус родства». Это и есть то, из чего состоит родство с точки зрения теории графов. Человеческий индивид может поменять пол символически (обычай измененного пола

у некоторых народов), физически (современные операции по изменению пола) и т.п., но координаты в сетке родства при этом останутся неизменными. Человеческий индивид может в тех или иных пределах также изменить возраст, иногда даже «смешать» возрасты (внук может оказаться старше сына, если отец внука — от первого брака, а младший — от второго, позднего брака), но все отношения родства при этом останутся неподвижными.

В исходном локусе инцест — это информационное нарушение «линейности» или «поколенности» (конфликт сигналов). Так, в австралийских системах брак считается инцестуозным, даже если «дочь», «мать» или «сестра» являются классификационными. «Линейность» толкуется в самом широком смысле, например в терминах общности тотемного имени людей, происходящих из разных, порой отдаленных локальных групп.

Мы помним, что элементарные термины сами по себе являются абстрактными единицами счета родства, так как отражают отношения, которые изначально не контаминированы физиологическими представлениями. Попытки кодировать элементарные термины как составные с использованием терминов “parent”, “child”, “spouse” («родитель», «дитя», «супруг») противоречат заявленной цели — выработать некий нейтральный язык записи («небиологический», «неевропейский» и т.п.), поскольку их этимология основана именно на биологических значениях.

Классификационные системы, конечно, «знают» понятия возраста и пола, но оперирование терминами, основанными на этих понятиях, для них является, как известно, факультативным признаком. Во-первых, классификационные системы родства часто игнорируют различия по полу, вероятно, еще и потому, что принадлежность к полу можно определить визуально, в отличие от принадлежности к линии происхождения (генерализация пространственного размещения «здесь — там») или поколению (генерализация анизотропии времени «раньше, чем — позже, чем»). И то и другое понятие связано с переходом из метрического в топологическое (здесь: мифологическое) пространство¹. По замечанию В. Станнера,

---

¹ Метрическое пространство культуры становится топологическим, если за его открытые множества принять классы явлений, содержащие вместе с определением общего свойства элементов этого класса определенные свойства соседних классов в качестве «окрестности» этого свойства.

австралийцы, помогая исследователю конструировать генеалогии, на самом деле мыслят не генеалогически. «Что они делают, — писал он, — так это указывают на связь между женщинами и их детьми, поскольку вступление в брак с мужчиной подразумевает выполнение условия, при котором мужчине обеспечивается возможность заявлять права на потомство данной женщины. Патрилинии мурибата есть не что иное, как отражение политических и юридических прав, возникающих на основе духовных агнатных связей» [Stanner 1989: 33–34].

Примерно об этом, хотя и не имея это в виду, писали Рональд и Кэтрин Берндты, подчеркивая, что понятие локальной (наследственной) группы не является синонимом резидентности [Berndt, Berndt 1999: 40]. Локальная (наследственная) группа австралийских аборигенов — это система взаимоотношений между людьми, ритуальная жизнь которых находится в поле тяготения к определенному священному центру — месту пребывания/почитания мифического предка или предков, выступающих в роли источника реинкарнации членов данной группы. Во-вторых, в классификационных системах объединение (а не деление) по возрасту является свидетельством нецелочисленной размерности классификационных систем родства. Так называемые «скользящие» термины родства (младший брат отца *Ego* = старшему брату *Ego*) отражают понятие «промежуточных», или «нецелых», поколений, что противоречит биологическому подходу.

Безразличие европейских терминов «мать», «отец» и других к биологическим реалиям обусловлено их изначально классификационным характером (ср. санскритскую и древнерусскую системы родства). Элькин, касаясь использования австралийцами одного термина по отношению к лицам обоих полов, ссылается на принцип эквивалентности сиблингов (= принцип локальности родства) в тех случаях, когда речь идет о родных братьях и сестрах. Однако все члены локальной группы являются «братьями» и «сестрами», будучи одного рода (*relationship*) независимо от пола [Elkin 1956: 64]. Это связано с представлением о том, что духи-предки (духи-двойники) этих людей были инкарнированы в одном и том же священном

Примером задания топологии на множестве явлений культуры, т.е. превращения ее в топологическое пространство, можно считать так называемые списки универсалий (вариант — «культурные круги» Гребнера).

центре («доме духов») на территории локальной группы их отца, т.е. человека, «отцовство» которого заключается в том, что он «увидел» во сне или «нашел» наяву духов, вселившихся в тело их матери, т.е. женщины, впоследствии их родившей. Подобная интерпретация принципа эквивалентности сиблингов, а следовательно, самого понятия классификационной системы родства, согласуется с данными других полевых этнографов. Описывая систему родства народа гунвинггу, Рональд и Кэтрин Бернд указывают, что термины «нгуда нгунбонанг» (перевод — «твой отец») и «нуннга бибонанг» (перевод — «его или ее отец») означают «он увидел твой дух во сне» или «он увидел его дух во сне», а смысл терминов «нгуда нгундангин» (перевод — «твой брат») и «нуннга бенедангин» (перевод — «его брат») — в выражениях «он стоит вместе с тобой» и «он стоит вместе с ним» [Berndt, Berndt 1999: 74].

Теперь мы можем перейти к вопросу о том, как вообще может выглядеть график функции родства, или к проблеме подбора топологии родства. Обычно считается, что при отображении отношений родства исследователи в целях удобства (с точки зрения европейцев) используют граф «филогенетическое дерево», а точнее, укорененное бинарное дерево, содержащее выделенную вершину, или так называемый корень, служащий обозначением предполагаемого положения общего предка в n -ном поколении. Из корня дерева исходят две ветви, соединяющие корень с «левым» и «правым» потомками, т.е. узлами следующего уровня, или поколения, которые порождают двоичные ветвления еще более низкого уровня и т.п., вплоть до конечных, не имеющих исходящих ветвей узлов, именуемых листьями.

Однако на практике использование графа «дерево» оказывается не таким удобным (спор между сторонниками и противниками генеалогического метода — это спор о подборе топологии при описании систем родства). Во-первых, при вычерчивании древовидных структур данных чисто эмпирическим путем приходишь к убеждению, что на одном дереве разместить все известные или мыслимые позиции родства попросту невозможно, во всяком случае подчиняться какой-то единой системе правил преобразования. Поэтому при описании различных систем родства приходится рисовать несколько деревьев: родство по отцу, родство по матери, родство по жене и т.п., исключая для простоты и наглядности те или иные ветви. Во-вторых, при сравнении систем родства чаще всего необходимо

показывать одновременно родственные и брачные связи, тогда как филогенетическое дерево моделирует связи только с помощью узлов с одним родителем (вертикальный перенос отношений родства). Впрочем, исследователи, всегда ощущая этот недостаток, при визуализации отношений родства де-факто используют филогенетические сети, подмножеством которых являются гибридные узлы — узлы с двумя родителями, обозначающие сетчатые события, в данном случае брачные союзы (горизонтальный перенос отношений родства). Трудности, связанные с использованием филогенетического дерева, можно попытаться объяснить тем, что с помощью этого графа невозможно описать систему родства, а только систему наследования в качестве ее подсистемы.

При маркировке, как уже сказано, к числу элементарных принято относить денотативы «отец», «мать», «брат», «сестра», «сын», «дочь» так, что сложные денотативы образуются прибавлением, или нанизыванием, элементарных денотативов. С этой точки зрения английская номенклатура оказывается более удобной, чем, например, русская, поскольку сам строй английского языка подразумевает чтение терминов родства справа налево путем прибавления или «сложения» (father's father), тогда как в русском языке из более сложного термина «вычитается» (прибавляется со знаком «минус») более простой (отец отца). Более удобна и аббревиатура английских терминов, поскольку получаемые выражения состоят только из согласных. Прибавляя к исходным одноместным выражениям другие термины или дублируя их, мы получаем различные степени родства в зависимости от того, представителей какого поколения обозначает данный термин. Прибавляя термины «отец» или «мать», мы поднимаемся на одно поколение вверх, прибавляя термины «сын» или «дочь», спускаемся на одно поколение вниз. Прибавление терминов «брат» или «сестра» образует боковые линии. Соответственно пути, соединяющие две позиции родства, могут быть прямыми (FF) и ступенчатыми (FFBS). В целом это имеет отношение не столько к грамматике, сколько к системе счета.

Решая вопрос об оптимальном способе маркировки позиций родства, следует обратить внимание и на такие моменты. Во-первых, при таком порядке маркирования узлов родства за нулевой уровень принимается не уровень, на котором помещается предполагаемый предок (неизвестно, как «эмически» установить предел возрастания степеней по поколениям), а уровень поколения *Ego*, который стано-

вится общей вершиной двух зеркально расположенных деревьев. Во-вторых, в целях упорядочения схемы термины «жена» или «муж» приходится принять за элементарные термины родства, присоединением к которым образуются такие выражения, без которых во многих случаях генеалогические расчеты становятся неосуществимыми: “WF”, “wm”, “wsr”, “WB”, “WBS”, “wbd” и т.д. В-третьих, именно в плане разделения «этное — эмное» в качестве элементарного термина родства необходимо использовать и термин “Ego” («Я», «Сам», “Self”), что не всегда делается при создании схем родственных отношений.

Операция придания термину “Ego” функции особого термина родства окончательно превращает выражения, относящиеся к классу описательных терминов, в абстрактную систему нумерации, независимую от конкретных языковых традиций, или, на общепринятом языке, в объективный способ записи отношений родства. В частности, приняв термин “Ego” за нулевой, мы осознаем тот факт, что в данной системе исчисления, в отличие от естественного языка, так называемые элементарные термины действительно принимают значение описательных, поскольку возникают путем сложения с термином “Ego”: $0 + F = F$, $0 + m = m$, $0 + B = B$, $0 + m + B = MB$ etc (см. выше рекурсивное определение понятия родства). Таким образом, принятый в мировой науке способ записи систем родства соответствует не понятию филогенетического (генеалогического) дерева, а понятию филогенетической сети.

При чтении неклассификационных систем родства важно, на чем сфокусировано наше внимание, подобно тому как при незначительном смещении линии взгляда барельеф можно принять за горельеф и наоборот. На одной и той же диаграмме родства в зависимости от того, какие элементы будут представлены в виде ребер графа, связи между предками и потомками (допустим, *Ego* — мужчина), или связи между брачными парами предков и потомков, проявятся два различных графа. Это легко продемонстрировать экспериментальным образом, используя общепринятый способ построения диаграмм родства, представляющих множества, состоящие из четырех элементов: 1) значки, обозначающие носителей различных степеней родства; 2) значки, обозначающие связи между супругами (знак равенства или умножения); 3) значки, обозначающие связи между поколениями (вертикальные линии) и 4) значки, обозначающие связи между сиблингами, братьями и сестрами (горизонталь-

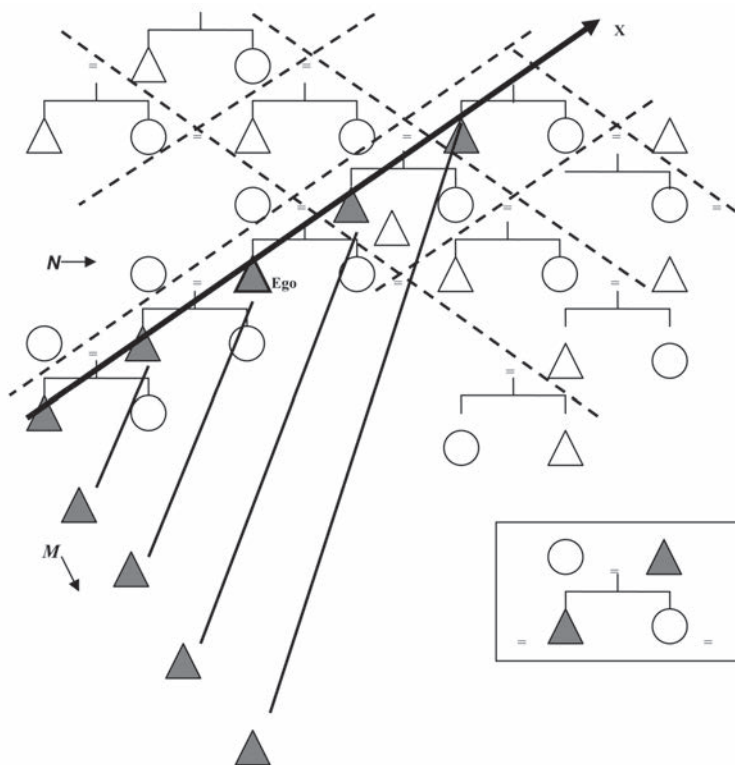
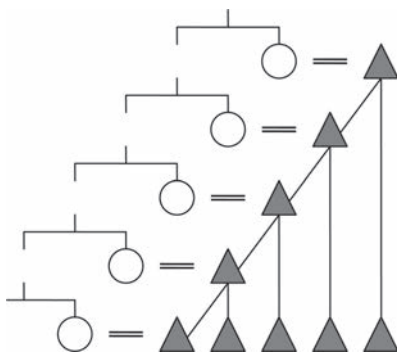
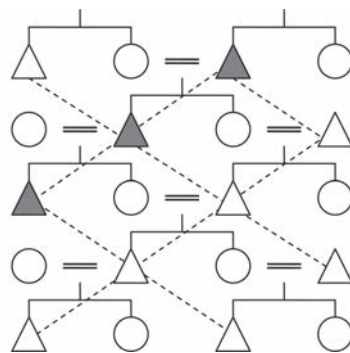

Рис. 12

ные линии, или, точнее, фигуры в виде вытянутой буквы «П»). Составленная по этому методу диаграмма может быть представлена немаркированным вариантом, поскольку любую степень родства, обозначенную значком в виде геометрической фигуры, можно вычислить (определить ее координаты) по ее местоположению относительно того условного значка, который принимается за точку с нулевым значением (точку *Ego*), т.е. за точку, притягивающую к себе все другие траектории родства (рис. 12).

На представленном выше рисунке показано, что, если следовать заданной топологии, степени родства произвольным образом разбиваются на два подмножества, оказывающиеся расположенными в двух разных плоскостях *M* и *N* на оси прямого родства по

мужской линии, т.е. на оси *Ego*, или оси X^1 . Для простоты примем эти плоскости за перпендикулярные по отношению друг к другу. Причем это такие подмножества, одно из которых описывается с помощью филогенетического дерева (узлы с одним «родителем»), а другое — с помощью филогенетической сети (узлы с двумя «родителями»). Одно подмножество вместе с носителями прямого родства по мужской линии образуют кросскузены различных степеней с их партнерами по браку, второе подмножество вместе с носителями прямого родства — ортокузены с их партнерами по браку, которые не обозначены, чтобы облегчить чтение схемы. То, что не всегда удается сформулировать другими средствами (принцип слияния разграничения прямой и боковых линий), проявляется с помощью диаграммы. В неклассификационных системах боковые (ортокузенные) линии оказываются лежащими на плоскости, перпендикулярной по отношению к той, в которой лежат линии отца и матери (кросскузенные линии). Для демонстрации разности структур этих подмножеств их можно изобразить отдельно (рис. 13а, б).

Рис. 13а. Плоскость *M*Рис. 13б. Плоскость *N*

«Втискивание» в такие плоские диаграммы новых степеней родства приводит к тому, что вся система через две-три ступени построения постепенно теряет свойства внешней регулярности (периодичности), изображение в целом приобретает хаотический характер. Теория бифуркаций гласит, что хаос может возникнуть

¹ Опять-таки для простоты на данной диаграмме не показана горизонтальная плоскость, соответствующая подмножеству денотатов поколения *Ego*.

через бифуркацию, определяемую как процесс качественного перехода от состояния равновесия к хаосу через последовательное изменение периодических точек. В переводе на язык описания явлений родства, с добавлением новых степеней родства «турбулентность» схемы увеличивается. Доказать это можно безо всяких формул, с помощью простого карандаша.

Справиться с хаотическим «движением» («колебаниями») терминов родства на схеме можно только за счет добавления плоскостей или, что то же самое, подчинения определенному алгоритму перемещения степеней из плоскости в плоскость (прохождения одних плоскостей сквозь другие). При нашем стремлении упорядочить пространство родства, подчинить изображение набору простых правил придется добавлять все новые и новые плоскости, а поскольку «перемещение» *Ego* происходит не только по оси Z (вперед и назад), но также по оси Y (вверх и вниз) и по оси X (вправо и влево), график неклассификационного родства приобретает вид бесконечно расширяющейся ячеистой структуры (предварительно методом шарнирного сдвига мы устанавливаем линию *Ego* строго вертикально) (рис. 14).

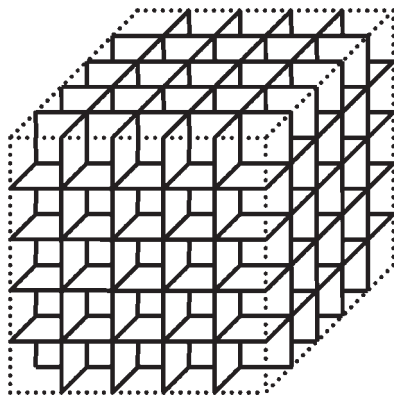

Рис. 14

Так в конечном счете, при всех возможных оговорках, выглядит неклассификационная система родства — некое подобие кристаллической решетки. К интерпретации этой системы мы еще вернемся в конце работы, а пока эта система может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, как множество «точек родства», находящихся на пересечении связей, во-вторых, как множество «траекто-

рий родства», т.е. динамическая система, состоящая из перемещений точек родства, в перспективе, как можно предполагать, образующих собой либо множество замкнутых кривых, либо множество спиралей, если движению системы родства не оказывается какое-то внешнее сопротивление, например недостаток или избыток брачных партнеров. Такие системы родства, подобно маятнику, обладают двумя степенями свободы. Иначе говоря, движение самой системы родства или движение внутри нее (точка зрения *Ego*) определяется двумя запретами: запретом на брак с близким родственником и запретом на брак с представителем другого — старшего или младшего — поколения. Это означает, что при невозможности определить, в какой конкретной точке пространства родства находится *Ego* (например, неизвестно, не является ли жена *Ego* его, пусть и отдаленной, кузиной с какой-либо стороны), область его нахождения по отношению к самому себе в принципе предсказуема. По крайней мере, считается, что его свойственники не являются его близкими родственниками. Следовательно, спонтанная логика родства приводит систему родства из хаотического в упорядоченное состояние в прилегающей к *Ego* части социального пространства.

Таким образом, упрощение на субъективном уровне (при подборе топологий) позволяет исследователю лучше понять объективную картину родства, т.е. анализировать системы родства как относительно четкие, правильные формы, подчиняющиеся законам евклидовой геометрии, во всяком случае, геометрии, мыслящей в терминах целочисленных измерений (двух-, трех-, четырехмерного и т.п. измерений). В конце концов мы занимаемся этнографией, а не математикой. Достаточно будет того, чтобы наши представления о системах родства были изоморфны представлениям носителей традиционной (в том числе нашей собственной) культуры.

Как уже отмечалось, ячеистая структура подвержена «колебаниям», связанным с перемещением плоскостей вдоль трех векторов, трех осей координат. Действительно, получается *что-то вроде* тессеракта (гиперкуба)¹, который можно «пройти» тогда и только тогда, когда удастся найти алгоритм (если он существует) взаимного перемещения внутренних «перегородок», которые как бы проходят

¹ Подобные метафоры не окончательны. Например, при подборе фигуры описания (метаязыка) неклассификационных систем родства данную структуру ради эксперимента можно попытаться уподобить кубу Рубика.

сквозь друг друга. В обыденной жизни состояние, к которому стремится неклассификационная система родства, но которое никогда не достигается, учитывается чисто умозрительно. На практике прибегают к «прокрустову ложу» неподвижных генеалогических схем, не отражающих нашу (неклассификационную) систему родства полностью и по ее объективным законам, но позволяющих ею пользоваться при решении насущных задач наследования.